

С момента доноса Сталверьха действие так и не продвинулось дальше. В данной коллизии любви Оснельды и Хорева трагедии не из чего развиваться: Хорев верен долгу; Оснельда верна Хореву; ни стенания Оснельды по поводу нарушения ею дочернего долга, ни мучения Хорева, «жертвующего» любовью ради долга, не меняют сути дела. Развитие действия определяют другие факторы. Сталверьх снова доносит Кию об «измене» Хорева. На этот раз он представляет свидетелей: стражей и невольника, посланного с письмом к Завлоху. Обманутый Кий решается отравить Оснельду, он велит отнести ей кубок с ядом. Тем самым действию трагедии снова дан толчок, и уже наступил первый момент развязки.

В V действии возвратившийся с мечом побежденного Завлоха Хорев получает разрешение на соединение с Оснельдой. Его извещают о ее смерти. Хорев закаляется. Незадолго до этого воин доносит, что Сталверьх бросился в Днепр, «Оснельду вспоминая». Такова развязка.

При всей неясности выражения в трагедии основной идеи она в конечном итоге сводится к предостережению монарха против слепого следования советам злодеев и льстецов, стоящих у трона. Вполне вероятно, что Сумароков касался здесь отдельных фактов, имевших место в придворной жизни второй четверти XVIII века, когда господство при русском дворе всесильных временщиков создавало атмосферу доносов и интриг, жертвами которых часто становились невинные люди.¹²

Что же касается борьбы долга и страсти в душе Хорева и Оснельды, то она представляет собой лишь благородные декларации, и не от нее зависит развитие действия. Двигателем последнего являются злодейские поступки Сталверьха. Во II действии его наущения Кию служат толчком для завязки трагической коллизии. В IV действии — новое злодейство Сталверьха дает новый толчок для развития трагедии, вслед за чем уже наступает развязка. Таким образом, источник трагического находится вне конфликта между долгом и страстью, вне душевной борьбы Хорева и Оснельды.

Центральным образом трагедии является Кий, и действительная причина трагической смерти Хорева и Оснельды — это пагубная доверчивость Кия доносчику Сталверьху. С этой точки зрения образ Сталверьха — нечто большее, чем простой двигатель действия. Будучи фактически источником трагической коллизии, он несет на себе основную тяжесть в выражении заложенной в трагедии идеи. В его лице воплощены те силы, с которыми должен

¹² См.: Е. А. Касаткина. Сумароковская трагедия 40-х — начала 50-х годов XVIII в. «Ученые записки Томского педагогического института», 1955, № 15, стр. 213—261.